

БАГРОВЫЙ СТУДЕНЬ

АРТЁМ ВЕЛЬД

18+

Артём Вельд

Багровый студень

«Автор»

2026

Вельд А.

Багровый студень / А. Вельд — «Автор», 2026

Двое друзей, старая «Нива», мокрый сентябрь и болото, которого нет ни на одной карте. Одна случайная капля — и привычный мир начинает осыпаться, как прелая листва. Под кожей просыпается нечто голодное, терпеливое и абсолютно чужое. Учитель биологии Александр Кравцов всегда верил, что на каждую загадку природы найдётся ответ. Но у этой загадки нет ответа — есть только условие и срок его выполнения.

© Вельд А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Суббота	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Артём Вельд

Багровый студень

Суббота

Старая «Нива» цвета мокрого асфальта насквозь пропахла бензином, мокрой листвой и дешевыми сигаретами. Витя курил, выставив локоть в приоткрытое окно, и барабанил пальцами по рулю в такт какой-то несуществующей музыке. Машина тронулась с места и на заднем сиденье громыхнули друг о друга четыре пластиковых ведра.

— Ты хоть позавтракал? — спросил я, пристёгиваясь.

— Ага, почти. Кофе глотнул. — Он выдохнул дым в окно. — Некогда. Грибы не ждут.

— Конечно, не ждут. Они ж просто грибы...

Витя хохотнул и выкрутил руль, выползая на проспект. Город был серый и мокрый. Сентябрь в этом году выдался слякотным, поэтому жёлтые листья не кружились красиво, а просто лежали на асфальте прибитой ржавой массой.

Дворники размазывали воду по стеклу. Я смотрел на светофоры, на редких хмурых прохожих с зонтами и думал, что лучше бы остался дома. Но Витя умел уговаривать. Он позвонил в четверг и сказал: «Сань, есть тема. Серёга место подогнал, там грибов просто немерено. Лес глухой, никто не шарит. Поехали».

Я согласился не потому, что любил грибы, а потому что Витя был моим другом с самого детства. С той самой скамейки в школьном дворе, где он однажды дал мне списать контрольную по математике и сказал: «Ты, Сань, главное — не бойсь. Всё, что не убивает, делает сильнее».

Мне было тринадцать. Я поверил.

Сейчас мне тридцать шесть, и я знаю, что это не так. Но Вите всё ещё будто тринадцать.

— Как Ленка? — спросил Витя, сворачивая на объездную.

— Нормально. Спит. Ты бы хоть позвонил, что ли, а не под окнами газовал.

— А я и позвонил. Ты трубку не взял.

Я проверил телефон. Пропущенный вызов: Витя, 6:48. Ладно.

Мы проехали заправку, потом гаражный кооператив, и длиннющий бетонный забор какого-то склада. Город кончился быстро — он у нас небольшой. Дальше пошли поля, перелески, мокрая трава вдоль обочины. Витя выбросил очередной окурок и закрыл окно. В машине стало тише.

— Слушай, — сказал я. — А чего Серёга-то сам не поехал?

— Да здоровье опять, говорит. Что-то там с горлом у него. Ну и профукал такой кайф из-за своих болячек. А сам мне до этого трижды звонил, прикинь? Трижды! Говорил: Витёк, там этих грибов — косой коси. И главное — глухомань, никто не знает. Я таких мест сто лет не видел.

— Прямо трижды звал?

— Ну да. Я сначала послал его — дел много было. А он, зараза, настойчивый, оказывается. Обещал, что не пожалею, прямо упрашивал заглянуть туда.

Мне это не понравилось. Не то чтобы я верил в приметы, но когда малознакомый человек трижды звонит тебе с одним и тем же предложением — это странно. Серёга был приятелем Вити по работе. Я его видел всего-то пару раз. Обычный среднестатистический мужик. Витя говорил, что он в последнее время приболел, на работу не ходит. И вот — звонит, настойчиво агитирует на поход в лес, а сам сливается. Странно всё это...

— А доедем-то мы как без него?

— Вот и я у него спросил. А он мне сразу геометку скинул. Сорок вёрст от города. Я места не знаю, но навигатор доведёт.

И тогда я хотел было уже сказать: «Давай не поедem», но Витя включил радио и заорал вместе с какой-то молодящейся поп-звездой про любовь и разлуку. Я понял, что переубеждать его было бесполезно.

Мы свернули с трассы на грунтовку. Машина запрыгала на ухабах. Витя выругался сквозь зубы — он всегда ругался на плохие дороги, хотя сам выбирал маршруты покороче, несмотря на отсутствие асфальта.

Я смотрел в окно. Лес подступал всё ближе, сосны стояли мокрые, тяжёлые. Небо затянуло.

— Как у тебя со спиной? — спросил я, вспомнив, что Витя дёргался, когда садился за руль. — Опять грыжи мучают?

— Да нет. — Он поморщился. — Родинка.

— Чего родинка?

— Родинка на спине вылезла. Под лопаткой. Растёт, зараза. И чешется.

— О как. И чего, давно вылезла?

— Да с год уже, а может и больше, хрен её знает.

Я повернулся к нему.

— А врач чего сказал?

Он пожал плечами и дёрнул руль, объезжая яму.

— А нахрен мне врач? Почешется и перестанет. Всё, что не убивает, делает сильнее, Сань.

— Это же Ницше сказал, вроде.

— Ну и молодец. Умный мужик был.

— Ницше вроде от сифилиса умер, Вить. В психушке.

Он засмеялся. Искренне, громко.

— Ну и что? Зато сильным. Сань, ты не парься. Родинка и родинка. Жена пилила-пилила — теперь не пилит. А я живой. Чего ещё надо?

Я промолчал. С Витей всегда так. Он мог игнорировать любую проблему, пока она не съедала его целиком. Его жена ушла год назад — отчасти из-за этого. Из-за того, что Витя не ходил к врачам, не чинил краны, не платил по счетам и жил по принципу «рассосётся». Не рассосалось.

— На работе чего нового у тебя? — спросил он, меняя тему. — Всё ещё беснуется твой директор хренов?

— А то, — вздохнул я. — На планёрке вчера опять на планёрке наорал. Что у меня, мол, внеклассная работа хромает, что он мне часы урежет. И что я вообще не на своём месте.

— Вот же козёл.

— Согласен. Я б его самого с удовольствием в лес отправил. Причём навсегда.

Витя гоготнул.

— Ну а что, пригласил бы. Сказал бы, мол, Игорь Степаныч, хотите по грибы? Место глухое, никто не знает. Заодно и потеряли бы тут.

— Кого? Начальника или грибы?

— Обоих.

Мы засмеялись. Такой обычный был разговор. Я и сейчас его помню, слово в слово. Помню, как Витя смеялся, как он постукивал пальцами правой руки по рулю. Помню, как лес за окном становился гуще и темнее. Как исчезли поля и начались сплошные сосны.

— Кстати, о начальнике, — сказал Витя. — Ты бы реально его куда-нибудь свозил. Не на это болото, конечно, а на шашлыки какие-нибудь. Вдруг просто устал мужичок.

— Я тоже устал. Но я ж на него не ору без повода.

— Ты — нет. Ты у нас терпеливый.

Витя улыбнулся. Он всегда так говорил: «Ты у нас терпеливый». И я никогда до конца не понимал, комплимент это или нет.

Навигатор вдруг оповестил приятным женским голосом, что через двести метров нам нужно повернуть направо, хотя дороги там уже не было. Вообще никакой, даже тропы. Просто слабые просветы между деревьями, заросший папоротником. Витя остановил машину, сверился с телефоном и кивнул:

— Приехали. Дальше пешком.

Мы вышли. Сырой и густой воздух пах хвоей, прелой листвой и чем-то сладковатым, почти приторным. Я не сразу понял, что это за запах, а потом вспомнил — примерно так же пахла застоявшаяся в бочках вода в подвале моего давно почившего дедушки.

— Ну что, — сказал Витя, хватая с заднего сиденья ведро. — Погнали?

Лес начинался сразу за машиной. Не было ни опушки, ни постепенного перехода — просто шагнул с грунтовки за куст папоротника, и листва сомкнулась за нами. Сосны стояли часто, почти что ствол к стволу, и свет пробивался только сверху — рассеянный, серый. Под ногами хлюпало. Где-то капало с веток. Я поёжился: моя штормовка была проверенной и надёжной, однако сырость мгновенно забралась под воротник, словно холодные пальцы.

Витя шагал первым, раздвигая папоротник ведром. Он всегда ходил первым, ещё со школы — в любую драку, на любую стройку и в любой лес Витя лез первый. А я лез за ним. Привычка, которую не изменили даже двадцать долгих лет.

— Слышишь? — спросил Витя через пару минут.

— Чего?

— Тишина.

Я прислушался. Птиц не было. Вообще. Ни синиц, ни ворон, ни дятла где-нибудь вдалеке. В сентябре в наших краях ещё полно пернатых, они не улетают до первых заморозков. Но здесь стояла тишина — глубокая, неестественная. Даже ветер не шумел в кронах.

— Место такое... — сказал я. — Глухое.

— Ага. — Витя не обернулся. — Глухое.

Мы шли ещё минут пятнадцать. Я изредка поглядывал на навигатор, но связь пропала сразу, как мы углубились. Компас в телефоне крутился, не находя север. Я сказал об этом Вите. Он отмахнулся:

— Тут всё просто. Идём туда, потом обратно. Просто не будем никуда заворачивать, прём по прямой, тогда и заблудиться будет негде.

Я не был в этом уверен. Лес вокруг казался одинаковым — сосны, папоротник, серый мох. Ни одной приметы. Ни ручья, ни оврага, ни поваленного дерева. Просто бесконечный коридор из стволов. Я начал замечать, что мох на деревьях растёт с обеих сторон — и с северной, и с южной. Так не бывает. Я хотел было сказать об этом Вите, но тут он остановился и указал пальцем вперёд.

— Ого. Ты гляди, какая хрень.

Впереди лес расступался. Не было ни просеки, ни тропы — просто сосны вдруг резко кончились, и взгляду открывалась поляна, полностью лишённая травы. Только голая земля, тёмная, почти чёрная. А в центре поляны располагалось болотце.

Я таких никогда не видел. Диаметр метра три, не больше, идеально круглое, как будто кто-то вырезал его по циркулю. И вода в нём была не чёрная и не зелёная, как обычно в лесных болотах. Она была багровая. Цвета запёкшейся крови. И не стояла спокойно — она колыхалась, хотя ветра не было. Медленно, лениво, как густой кисель или даже желе.

— Ничего себе, — выдохнул я.

Витя уже подошёл ближе. Он присел на корточки у кромки и всматривался в воду.

— Сань, ты только посмотри.

Я подошёл. На поверхности болота лежали монеты. Старые, немного позеленевшие, но на некоторых были хорошо различимы орлы. Монеты не тонули, а держались на багровой воде, как на студне. Их было много — десятка два, а может, и больше.

Мне вдруг показалось, что под монетами, в глубине, угадывалось какое-то медленное тягучее движение. Но я убедил себя, что выдумываю.

— Это что, серебро? — Витя просиял. — Сань, это ж царские рубли! Они сейчас знаешь сколько стоят?

— Витя, давай не трогать. Пошли лучше отсюда, а?

— Почему?

— Потому что это странно. — Мой голос слегка дрогнул. — Монеты не лежат на поверхности воды. Они тонут.

— А эти не тонут. Значит, повезло.

Он встал на одно колено и схватил ближайшую монету. Повертел в пальцах, ухмыляясь, сунул её в карман и потянулся за следующей, но та вдруг начала медленно уплывать вниз, будто пытаясь сбежать от его пальцев. Витя решительно сунул руку глубже, потревожив багровую плёнку.

Покусывая губы от напряжения, я смотрел на лицо Вити сбоку. На эту дурацкую улыбку азартного мальчишки, который нашёл на помойке мятую велосипедную раму и уже представляет, как притащит её домой и скоро соберёт велик.

А потом его лицо резко изменилось. Глаза расширились, а улыбка сползла.

— Сань, — хрипло сказал он и сглотнул. Голос стал другим — тише, ниже. — Я во что-то влез.

— Чего?

— За пальцы. Держит кто-то.

— Хорош дурить, Вить, не смешно.

— А я, мать твою, и не смеюсь, — заорал он вдруг не своим голосом, резко дёргаясь в сторону.

Его действительно что-то крепко держало за руку и не давало вынуть её из болота. Я кинулся к нему, схватил за плечо и рванул назад. Ещё раз. И ещё.

Наконец, рука выскочила и мы оба по инерции полетели на землю.

Багровая жижа отпустила Витю нехотя, громко и противно чмокнула, и в воздух взметнулись брызги — тяжёлые, густые. Одна капля попала мне на шею, чуть ниже уха. Горячая. Я тут же вскочил и машинально стёр её рукавом, даже не глядя. На куртке остался влажный красный след. Я брезгливо поморщился и только тогда посмотрел на Витю.

Тот всё ещё лежал на спине, тяжело дыша. А затем сморщился, сел и стянул с себя куртку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.